

Развитие теории демократии в конце XX в.: зарубежная историография

С. Н. Белевцева

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории,
Курский государственный университет. Россия, г. Курск. ORCID: 0000-0002-1939-4623.
E-mail: SNBelevtseva@yandex.ru

Аннотация: актуальность статьи определяется современной востребованностью теории демократизации как в России, так и в большинстве стран мира. Целью статьи является раскрытие восприятия американской стратегии «распространения демократии» представителями научного сообщества различных государств. Не претендуя на полный охват проблематики продвижения демократии американского образца в различные регионы мира, автор исследовал ряд общетеоретических вопросов по данной теме. Кроме того, рассматривается философское обоснование демократического процесса ведущими учеными конца XX – начала XXI в., исследуется перспективность «распространения демократии» во внезападные сообщества. В качестве вывода по теме рассматривается вопрос о стабильности завоеваний демократии. В статье проанализированы работы как видных ученых (Ф. Фукуяма, С. Хантингтон, Ю. Хабермас), так и менее известных представителей научного сообщества. При этом в исследовании использованы работы ученых из разных стран: США, Канады, Великобритании, ФРГ, Израиля, Японии, Туниса, Индии. Статья может представлять интерес как для ученых, преподавателей и студентов, так и для политических функционеров, заинтересованных в продвижении и расширении демократического процесса.

Ключевые слова: распространение демократии, демократические преобразования конца XX в., демократия незападных обществ, американская демократия, демократия в России.

Развитию теории демократии в конце XX в. были посвящены многие исследования как в России, так и за рубежом. Наибольшее число научных изысканий в этой области принадлежит американским историкам, политологам, социологам и экономистам. Автор ранее уже делала историографический анализ отдельных направлений развития американской модели демократии [1]. Настоящая статья будет посвящена научным исследованиям не только американских, но и других зарубежных авторов.

Общая теория демократии

Разговор об общетеоретических основах и определениях демократии начнем, тем не менее, с работы одного из мэтров американской политологии Сэмюэла Филлипса Хантингтона.

В частности, к понятию демократии в своей книге «Третья волна. Демократизация в конце XX века» он в очередной раз обратился в 1989–1990 гг. (период написания книги). Говоря о современном толковании термина «демократия», Хантингтон пишет: «В середине XX в. в ходе дебатов о смысле слова “демократия” выделились три основных подхода. Демократия как форма правления стала определяться исходя либо из источников власти правительства, либо из целей, которым правительство служит, либо из процедур его образования» [7, с. 16]. При этом сам Хантингтон склонялся именно к процедурному определению демократии, полагая, что следование определениям по источнику власти и целям правительства приводит к двусмысленности и неточностям. Основываясь на идеях австрийского и американского экономиста, политолога, социолога и историка экономической мысли Йозефа Шумпетера, Сэмюэл Хантингтон отошёл от достаточно расплывчатых определений демократии по источнику власти («воля народа») или целям правительства («общее благо»). Он взял за основу процедурное определение демократии по Шумпетеру: «Демократический метод – это такое институциональное устройство для принятия политических решений, при котором отдельные индивиды обретают власть принимать решения в результате конкурентной борьбы за голоса людей» [7, с. 16].

Следует признать, что в конце XX в. это определение демократии возобладало над более романтическими идеями. А Сэмюэл Хантингтон в своем исследовании утверждал, что «политическая система какого-либо государства в XX в. определяется как демократическая в той

мере, в какой лица, наделенные высшей властью принимать коллективные решения, отбираются путем честных, беспристрастных, периодических выборов, в ходе которых кандидаты свободно соревнуются за голоса избирателей, а голосовать имеет право практически все взрослое население» [7, с. 17].

Понятно, что такое определение демократии, по критерию выборов, хотя и является обязательным условием, но может быть признано лишь его минимальным значением. Об этом же говорит в своей работе С. Хантингтон. Он отмечает, что многие в определении демократии видят и «более широкое и идеалистическое значение» [7, с. 19]. Для таких исследователей, по мнению Хантингтона, подлинная демократия означает свободу, равенство, братство, «эффективный гражданский контроль над полицией, ответственность правительства перед населением, честность и открытость в политике, компетентную и рациональную советательность, равные участие и власть и разные другие гражданские ценности» [7, с. 19–20].

Касаясь определения демократии, Хантингтон также поднимает вопросы о случаях отсутствия реальной власти у избранных политических лидеров (марионеточные режимы), о непрочности или стабильности демократической власти, ее дихотомичности, а также указывает на общие негативные черты недемократических режимов.

Особая заслуга Сэмюэля Хантингтона состоит в введении в научный оборот общепризнанного сегодня понятия «волн демократизации» и выделении трех основных из них. При этом еще раз отметим, что автор рассматривает третью волну демократического процесса, начавшуюся, по его утверждению, в 1974 г., до момента раскрытия ее пикового значения на рубеже 1980–1990-х гг.

Не менее значительное исследование по теории демократии принадлежит британскому политологу Дэвиду Хелду. Задавшись двумя главными целями: познакомить читателя с основными представлениями о демократии и, прежде всего, с теми, которые характерны для западной традиции, и представить критическое описание демократических идей в их развитии, – Хелд в 1987 г. опубликовал свой труд «Модели демократии». Это было первое издание книги, представлявшее «четыре классические модели демократии: классическую идею демократии в древних Афинах; республиканскую концепцию самоуправляющегося сообщества..., либеральная демократия... и марксистская концепция прямой демократии» [8, с. 19].

Через девять лет, с учетом произошедших изменений в мировой политике, большого объема новых научно-исследовательских работ и в связи с некоторыми изменениями во взглядах самого автора, он выпускает второе переработанное издание книги. По аналогичным причинам еще через десять лет Хелд выпускает третье издание «Моделей демократии». Третье издание 2006 г. «было доработано и потому, что дискуссия, развернувшаяся в политической и социальной теории, привела к определенным инновациям в представлениях о демократии» [8, с. 13]. В книге после четырех классических моделей, рассматриваются еще пять, порожденных той самой дискуссией. Кроме того, Хелд рассматривает некоторые из главных современных проблем демократической теории и практики и задается в конце книги вопросом: что же должна означать демократия сегодня?

В своей книге Хелд обоснованно разделяет все модели демократии, кроме «совещательной демократии», на «два основных типа: прямая демократия, или демократия прямого участия... и либеральная, или представительная демократия» [8, с. 20].

Разбирая различные демократические модели, Дэвид Хелд указывает, что при их изучении «важно исследовать их ключевые черты, рекомендации и предположения о природе общества, в котором демократия находится или куда могла бы быть внедрена, их фундаментальные концепции политических возможностей человека и то, как они обосновывают свои взгляды и предпочтения. И в оценке этих моделей мы должны быть внимательны к истокам и последовательности теоретических заявлений, адекватности эмпирических утверждений и осуществимости предписаний» [8, с. 24].

Практика демократических преобразований в мире отличается от рекомендаций британского политолога. Сами методы «распространения демократии» далеко не всегда демократичны. В первую очередь это относится к американской стратегии «распространения демократии», в которой не прописано никакой необходимости изучения исторических аспектов, сложившегося менталитета тех государств, которым США помогают перейти к демократии.

К примеру, Хелд указывает, что «в ходе восточноевропейских революций 1989–1991 годов принципы самоопределения и согласия с действиями правительства вновь явились вызо-

вом принципу “единоличности” или, в особых случаях, “однопартийного” правления. Демократия вновь праздновалась как способ сдерживания власти государства, посредничества между конкурирующими индивидуальными и коллективными проектами, а также как средство сделать ключевые политические действия подотчетными» [8, с. 428]. Но мало кто обращал внимание в 1990-е гг. на такие тонкости демократического процесса. Скорее, следовали принципу, делай как я. За образец бралась западная, в первую очередь американская, демократия, и всей Восточной Европе, а также странам, образовавшимся после распада СССР, предлагалось следовать этому образцу. Даже реальное различие экономических возможностей и политической культуры этих стран было вторичным. Процесс и объем помощи США определялись лишь готовностью следовать американскому образцу, что реально обеспечивало для США формирование дружественных режимов и утверждение своей главенствующей роли в международных делах.

Хелд указывает, что в условиях, когда множественность интересов формирует «различные директивные режимы, демократия, ко всему прочему, предлагает основу для терпимости, дискуссий и переговоров» [8, с. 428]. Однако к этому следует добавить, что таким образом работает лишь подлинная демократия. На практике же демократические преобразования происходят далеко не всегда одинаково, не всегда последовательно и не всегда с учетом мнения большинства. Продавливание необходимых результатов в процессе либеральных выборов, с применением форм экономического, политического и, даже, военного воздействия извне особенно настойчиво проводилось американским правительством в 1990-е гг.

По Хелду, «идея демократии важна, поскольку она не представляет всего лишь одну ценность из многих других, таких как свобода, равенство или правосудие, но является ценностью, которая может быть посредником между конкурирующими директивами и связать их... Демократия не предполагает согласия по различным ценностям – скорее, она предлагает способ взаимосвязи ценностей и предоставления разрешения ценностных конфликтов участникам открытого процесса... В этом кроются и другие элементы ее притягательности» [8, с. 429]. По мнению автора, демократия не является ответом на все вопросы, но при адекватном следовании демократическим принципам всегда можно составить «программу изменений, в которой и посредством которой насущные и наиболее значимые вопросы получают лучшую возможность для обдумывания, обсуждения и решения, чем при альтернативных режимах» [8, с. 429].

Остается лишь констатировать, что ни в конце XX в., ни в XXI в. большинство политических деятелей либо никогда не были знакомы с трактовками демократии от Девида Хелда, либо не сочли их правильными или жизнеспособными.

Философское осмысление демократического процесса

О роли и месте демократического процесса в развитии государственности неоднократно высказывался известный немецкий философ и социолог, профессор университета имени Гете во Франкфурте-на-Майне Юрген Хабермас. Он рассматривал «начала американской, французской и английской демократии... в более всеобъемлющем контексте общественной модернизации» [6, с. 23]. При этом Хабермас, исследуя процессы послевоенной демократизации в Германии, справедливо утверждал, что на первоначальном этапе трансформации общества невозможно было говорить о результативности этого процесса и утверждать, что «принципы до известной степени навязанного извне демократического строя укоренились в головах и сердцах граждан. И очевидно, такое изменение менталитета не могло происходить изолированно. Невозможно было внедрить его и попросту административно» [6, с. 23–24].

Особое значение в процессе приобщения к демократическим ценностям Хабермас отводил публичным пространствам, по которым, по его мнению, «можно считать структуры общественной интеграции» [6, с. 24]. Переходя к современным сообществам, он утверждал, что их общность «может устанавливаться и репродуцироваться лишь с помощью процесса формирования общественного мнения и общественной воли» [6, с. 24], а «к состоянию демократии можно прислушаться по пульсу ее политической публичности» [6, с. 24].

С результатами своих исследований по теории демократии профессор Хабермас познакомил советское научное сообщество в апреле 1989 г. в цикле из трех лекций, прочитанных в Институте философии АН СССР. Во второй из них, обращаясь к философскому спору вокруг идеи демократии, он отмечал, что наибольший спор философов вокруг понятия «демократия» разожгла Великая французская революция. Саму революцию профессор определял одновре-

менно и аргументом, и событием, так как «она облекалась в одежды дискурса о правах разума и оставила многочисленные следы в политических идеологиях XIX и XX вв.» [5, с. 33]. Результаты мировоззренческой борьбы ученых Ю. Хабермас обобщил и упорядочил, исследуя противоборствующие идеи «либералов и демократов, социалистов и либералов, анархистов и социалистов и, наконец, консерваторов со всеми прогрессистами» [5, с. 33].

Особый интерес в исследовании Хабермаса представляет вопрос о размежевании либералов и радикальных демократов. Хабермас определил его как спор о том, «как возможно совместить равенство со свободой, единство с плюрализмом, множественностью или права большинства с правами меньшинства» [5, с. 34]. Профессор указывал, что для либералов права человека обладают приоритетом перед демократией, а конституция, разделяющая власть на исполнительную и законодательную, обладает преимуществом перед волей демократического законодателя. Напротив, радикальные демократы «понимают коллективную практику свободных и равных людей как формирование суверенной воли. Для них права человека проистекают из суверенной воли народа, а конституция, которая разделяет разные формы власти, обязана своим происхождением просвещенной воле демократического законодателя» [5, с. 34].

Изучив в этом научном споре мнения различных оппонентов, включая труды Руссо, Канта, де Токвиля, профессор Хабермас указал, что его коллеги отмечали «многообразие интересов, которые надо как-то выравнять, подчеркивали плюрализм мнений, который надо преобразовать в некий консенсус большинства» [5, с. 36]. Для резюмирования этого научного спора Хабермас обращается к мнению немецкого политолога XIX в. Юлиуса Фребеля, который увязал принцип свободной дискуссии с принципом большинства, утверждая, что решение большинства может приниматься как итог дискуссии, которая завершается ввиду необходимости принятия какого-то решения. Фребель писал: «Дискуссия способствует тому, чтобы убеждения, которые сложились в духовном мире различных людей, воздействовали друг на друга; она разъясняет их и расширяет круг тех, кто их признает... Практическое определение права – это следствие развития и признания предшествующего теоретического правосознания в обществе, но достигнуть этого можно только... благодаря согласию и принятию решения большинством голосов» [5, с. 38–39]. По мнению Хабермаса, Фребель интерпретирует решение большинства как условное согласие меньшинства с практикой большинства. По Фребелю, «от меньшинства никто не требует, чтобы оно отказывалось от своей воли, чтобы оно объявляло свое мнение ошибочным; от меньшинства не требуют даже того, чтобы оно отказывалось от своей цели. Но... требуют, чтобы меньшинство отказалось от практической реализации своего убеждения до тех пор, пока ему не удастся лучше представить свои аргументы и собрать необходимое число согласных с ним» [5, с. 39].

Такое идиллическое определение демократических ценностей от политолога XIX в. профессор Хабермас в 1989 г. приводил, несомненно, как образец развития демократии, прекрасно видя и понимая причины многочисленных отступлений от основополагающих принципов демократии, допускавшихся в конце XX в.

Обращаясь к противоборству идей анархистов и социалистов, Хабермас показывает, что утопичность анархистских идей стала понятна еще в XIX в. Анархистское стремление к минимальной степени институализации и противодействие вертикальному построению власти оказалось нежизнеспособным. В своей лекции профессор отмечал, что «анархистский проект общества, который сводился к горизонтальной сети ассоциаций, и прежде был утопическим, а уж сегодня он терпит крах в силу потребности современных обществ в управлении и организации» [5, с. 47].

Напротив, спор консерваторов с различными прогрессистскими течениями вокруг идеи демократии является острым и продолжает оставаться актуальным. Хабермас вновь обращается к историческим корням идеологии, но теперь уже идеологии консерватизма. Он отмечает, что еще основоположник политического консерватизма философ Жозеф де Местр (1753–1821) и философ-традиционалист Луи Бональд (1754–1840) «критиковали слишком наивное прогрессистское сознание, напоминая ему о границах того, что вообще может быть сделано» [5, с. 51]. Профессор Хабермас усматривает главные претензии консерваторов к прогрессистам в том, что их «проекты самоорганизации общества пролагают себе дорогу, оставляя без внимания влияние традиций, пренебрегая возможностями органического роста, наличием ресурсов, которые ведь не могут же увеличиться по чьему-либо желанию» [5, с. 51].

Невозможно не считаться с такой консервативной аргументацией, которая опирается на реальные проблемные вопросы. Однако, по мнению Хабермаса, такое «фактически инстру-

ментальное понимание практики, которая мыслится просто как реализация некоей теории, имеет разрушительные последствия» [5, с. 51]. Явно придерживаясь прогрессивных взглядов, профессор Хабермас аргументированно доказывает их правоту и высказывает как постулат мнение о возможности продвижения демократии в различные общественные системы, полагая, что любое, даже «сложное общество также открыто такому фундаментальному демократизированию» [5, с. 51].

В рассматриваемой лекции профессор Хабермас, раскрывая дискурс о свободе и равенстве, продолжающийся «в споре социализма с либерализмом» [5, с. 42], обращается к учению Маркса и Энгельса. Профессор, в частности, отдает должное тому, что «Маркс и Энгельс расширили само понятие “политическое”. Теперь под ним они понимают не только организацию государства, но и общественный порядок в целом» [5, с. 42–43]. Однако Юрген Хабермас, при всем уважении к марксистскому учению, указывает на необходимость его критического прочтения. Он обращает внимание на то, что расширению понятия «политическое» не соответствовало «более углубленное уразумение способов функционирования, форм коммуникации и условий институционализации, при которых формируется эгалитарная воля. Ибо мысль по-прежнему направлялась холистским представлением о политизированном обществе, основанном на труде. Ранние социалисты еще были полны надежд на то, что правильно устроенный процесс производства сам собой породит соответствующие ему жизненные формы, где рабочие будут вступать в свободные ассоциации. Эта идея рабочего самоуправления потерпела крах из-за того, что развитое, функционально дифференцированное общество оказалось слишком сложным» [5, с. 43–44].

Иными словами, признавая правильность учения Маркса в главном, Хабермас указывает на отсутствие проработки в марксистском учении важных составляющих его элементов. Развивая это утверждение, профессор обращает внимание на то, что «и ленинская стратегия завоевания власти профессиональными революционерами не могла возместить отсутствие политической теории» [5, с. 44]. Хабермас утверждает, что дефицит теории привел к ситуации апории, когда логически верно выстроенные суждения, не будучи подкрепленными описывающей их теорией, не соответствуют реальным фактам и воплощениям. Далее в своей лекции профессор Хабермас констатировал, что «в наши дни эти апории должны быть поняты и преодолены; с этим связаны... реформы Горбачева» [5, с. 44].

Свои взгляды на горбачевские реформы в СССР западный немец профессор Хабермас изложил в 1988 г. в беседе с философом из ГДР Хансом-Петером Крюгером. Отвечая на вопрос о возможной связи его коммуникативно ориентированной философии и теории общества с требованием «нового мышления» в мировой политике, а также начатыми в Советском Союзе реформами под лозунгами «перестройки» и «гласности», профессор Хабермас, выросший на традициях «западного марксизма», обратил внимание на факт неразработанности политической теории, позволившей бы совершенствовать социалистическое общество. В связи с этим он заявил: «Вместо того чтобы полагаться на разум производительных сил, т. е. в конечном счете на разум естествознания и техники, я доверяю производительной силе коммуникации, которая наиболее отчетливо выражается в борьбе за социальное освобождение. Этот коммуникативный разум заставил считаться с собой и в движениях за гражданскую эмансипацию – в борьбе за суверенитет народа и права человека. Он отложился в учреждениях демократического правового государства и институтах гражданской общественности. Советский же марксизм, вместо того чтобы высвободить и радикализировать эмансипирующее содержание этих исторических завоеваний, не в полной мере к ним приобщался» [5, с. 83–84].

Вместе с тем тогда, в 1988 г., профессор Хабермас верил, что горбачевские реформы, нацеленные на то, чтобы «нагнать упущенное и добиться демократического плюрализма на основе небюрократического социализма... действительно могут освободить производительную силу коммуникации» [5, с. 84].

А в 1989 г. в своем московском интервью Хабермас дал ответ на вопрос о роли философии в обществе и ее возможном влиянии на процесс демократизации и проведения горбачевских реформ. Он, в частности, отметил, что в Москве «мы имеем дело с процессом становления политической общественности, в рамках которой при решении настоятельных проблем, усиленных процессами коммуникации, могут играть полезную роль не только историки, с одной стороны, и экономисты – с другой, но и философы» [5, с. 109]. Прикладную роль философии Хабермас видел в четком представлении тех альтернатив, «перед которыми стоят демократизация и децентрали-

зация бюрократического социализма» [5, с. 110]. На пути совершенствования социализма опыт НЭПа и более или менее удавшийся компромисс социал-демократов при построении «социального государства» Хабермас считал недостаточным. Он также предупреждал, что «социалистический эквивалент социально-государственного самоусовершенствования развитого капитализма, которое по-прежнему достигается в результате больших усилий и обходится обществу достаточно дорого, может быть обнаружен только на пути проб и ошибок и в рамках сознания, признающего возможность собственных ошибок» [5, с. 110–111].

Признание собственных ошибок, как известно, следует за их совершением. Но далеко не всегда ошибки могут быть исправлены. А вот избежать ошибок, особенно политических, особенно когда на крату поставлена безопасность и целостность государства, – дело как архиважное, так и архисложное. И вновь приходится констатировать, что научное мнение не всегда бывает востребовано представителями власти, а в таком случае и не может повлиять на их решения.

Однако следует отметить, что и научное исследование не всегда оказывается верным в своих выводах. Ход истории может поставить под сомнение правильность сделанных ранее научных выводов, даже когда речь идет о самом «конце истории».

Известный американский философ Френсис Фукуяма именно таким вопросом, «Конец истории?», озаглавил свою статью в «The National Interest». Опубликованная летом 1989 г., статья послужила катализатором большой научной полемики о торжестве либеральной демократии. Сам Фукуяма считал, что «триумф Запада, западной *идеи* очевиден, прежде всего, потому, что у либерализма не осталось никаких жизнеспособных альтернатив» [2, с. 84]. Иными словами, по мнению американского философа, никакая идеология уже не могла противостоять либеральной демократии, и вопрос о ее окончательной победе являлся лишь вопросом времени. Именно в том смысле, что либеральная демократия является конечной стадией исторического развития, Фукуяма и провозгласил конец истории. Он, в частности, утверждал: «То, чему мы, вероятно, свидетели, – не просто конец холодной войны или очередного периода послевоенной истории, но конец истории как таковой, завершение идеологической эволюции человечества и универсализация либеральной демократии Запада как окончательной формы правительства в человеческом обществе» [2, с. 85].

Это утверждение о победе либеральной демократии Френсис Фукуяма через три года развил в книге «Конец истории и последний человек». Исследовав исторический процесс социально-экономического развития человечества, указав на трудности продвижения либеральной демократии в различные общества и на различные возможности отката этого процесса, Фукуяма, тем не менее, и в 1992 г. утверждал, что «всемирный характер современной либеральной революции имеет особое значение, поскольку он является еще одним свидетельством того, что действует фундаментальный процесс, диктующий общую эволюционную закономерность для всех человеческих обществ, – короче говоря, существует некоторая Универсальная История, ведущая в сторону либеральной демократии» [3, с. 95].

На неточности в научных изысканиях Фукуямы указывали многие ученые. Под действием этих критических замечаний и, особенно, после известных террористических актов 11 сентября 2001 г. против цитадели либеральной демократии, самих Соединенных Штатов, Фукуяма изменил свои взгляды на «конец истории». Но тогда, в 1990-е гг., многие политики с готовностью опирались на научную основу процесса распространения либеральной демократии, предложенную Френсисом Фукуямой. Сам Фукуяма, подписав вместе с видными неоконсерваторами и республиканцами несколько писем президенту Клинтону, а затем Бушу-младшему, призывал их, в частности, к решительным действиям по отстранению от власти в Ираке режима Саддама Хусейна.

В начале 1990-х гг. в теории международных отношений противопоставлялись два взгляда на мировую политику: конец истории Ф. Фукуямы и столкновение цивилизаций С. Хантингтона. Сам Фукуяма так охарактеризовал это противоборство идей: «... работы “Конец истории” и “Столкновение цивилизаций” рассматриваются как два принципиально отличающихся друг от друга взгляда на мировую политику. Как полагают многие, в первой из них утверждается мысль, что мир будет переживать разрастание зоны устойчивой либеральной демократии и интегрирование рыночного капитализма – то, что позже было названо глобализацией, – в то время как в рамках хантингтоновской парадигмы мир представляется в виде конфликтующих зон, где главная линия разлома протекает не между идеологиями, а между различными культурами» [4].

Кроме этого определения, приведенного в 2007 г. в русскоязычной статье «Столкновение культур и американская гегемония», Ф. Фукуяма раскрыл и разницу во взглядах двух ученых на необходимость войны в Ираке. Фукуяма, выступавший еще с 1990-х гг. за силовое воздействие на тоталитарный режим С. Хусейна, указывал, что Хантингтон был против войны в Ираке: «Тогда он сказал, что на тот момент мы еще не были вовлечены в цивилизационный конфликт, но что эта борьба может перерасти в таковой, если мы совершим вторжение в Ирак. Таким образом, он вновь оказался пророчеством» [4]. Сам же Фукуяма на рубеже веков еще был уверен в возможности победного шествия либеральной демократии в различные регионы мира.

Продвижение демократии в незападные сообщества

В своей книге «Конец истории и последний человек» Фукуяма утверждал: «...демократическое правление вырвалось со своего первоначального плацдарма в Западной Европе и Северной Америке и глубоко продвинулось в другие части света, отличные от названных политическими, культурными и религиозными традициями» [3, с. 95–96].

Действительно, в 1980–1990-е гг. процесс продвижения демократии охватил не только Европу, но и Азию, Африку, Латинскую Америку. При этом для рассмотрения и анализа процесса демократизации, особенно в незападных развивающихся странах, достаточно эффективно использовался акторно-ориентированный (субъектно-ориентированный) подход. Ставки на политических лидеров, чаще оппозиционных, в тех государствах, куда направлялись усилия демократического процесса, объяснялись именно концепцией субъектно-ориентированного управления. Как отмечал профессор политологии университета Северной Каролины Гарри Маркс, «хотя в некоторых обстоятельствах руководители правительств не в состоянии остановить распространение определенных авторитарных воздействий, они, как правило, играют решающую роль как в национальном распределении компетенций, так и в международных делах...» [13, с. 22].

Не считая акторно-ориентированный подход всегда подходящим для стимулирования и анализа процесса демократизации, профессор Хасегава (Нихонский университет, Япония) тем не менее, отнес его к «наиболее доминирующим при проведении анализа процесса демократизации многих незападных развивающихся стран» [9]. При этом профессор полагает, что существующая теория демократизации «эффективна в том, что касается объяснения процесса перехода к демократии, а не его последствий. Поэтому необходимо построить теоретическую гипотезу вокруг всей серии событий, связанных с демократией, таких как установление, стабильность и развитие демократии, а также того, как избежать ее регресса и краха» [9].

Вместе с тем Хасегава уточняет и фукуямовскую теорию «распространения демократии» в незападные сообщества. Признавая возможность этого процесса в XXI в., но не его окончательную победу в веке двадцатом, японский профессор говорит о необходимости создания условий, подобных западноевропейскому сообществу, для утверждения демократических преимуществ в обществах незападного образца. Он утверждает, что переходный процесс «занимает меньше времени в странах, которые разделяют однородность или сходство с западноевропейским обществом, особенно в других европейских странах. Таким образом, для того чтобы незападные общества приблизились к западноевропейской цивилизации с ее технологической и научной основой, этот подход неизбежно потребует формального подражания и принятия, что естественно, правил игры догоняющего в рамках научно-технической модели, созданной западноевропейской цивилизацией» [9].

Вопросом «распространения демократии» в незападные страны задался и Тунисский доктор социологии, исламист, будущий министр иностранных дел Туниса (2004–2005) Мохаммед Абдельбеки Хермасси. Свое исследование он посвятил факторам, имеющим прямое отношение к развитию демократического процесса в мусульманском мире. По его утверждению, уже в 1980-е гг. «многие задавались вопросом, возможно ли в мусульманских странах в эпоху государственного строительства иметь партии, аналогичные европейским христианско-демократическим» [10, с. 41]. По мнению доктора Хермасси, ответ на этот вопрос не мог быть обнадеживающим по двум причинам. Во-первых, подобные партии появились в европейских государствах как компоненты более широкой партийно-политической системы, в которой церковь отделена от государства. Во-вторых, христианские государства в своем развитии прошли Реформацию. Между тем «в мусульманском мире не было эквивалентного периода реформ. Оккупация исламских земель колониальными и имперскими державами побуждала ислам делать то, что он делает лучше всего: то есть противостоять, но не реформировать себя или модернизировать» [10, с. 41].

Доктор Хермасси уже в 1980–1990-е гг. обращал внимание на террористические склонности отдельных течений ислама. Противостояние подобным исламистским течениям он видел в развитии демократии. Но процесс этот Хермасси считал небыстрым. «Демократия – это, как мы все знаем, долгосрочный процесс, требующий основ. Такие основы на Ближнем Востоке еще только предстоит создать. Но, думаю, мы вправе сделать первый шаг, заложить предпосылки и основы демократии» [10, с. 46], – писал он в 1993 г. в своей работе «Ислам, демократия и проблема политических преобразований». Достижение демократических преобразований доктор Хермасси связывал с установлением политической открытости общества, улучшением жизни населения и формированием «заслуживающей доверия оппозиции» [10, с. 47].

Вместе с тем Хермасси высказывает мнение, что к началу 1990-х гг. попытки создания мусульманских партий европейского типа и внесения в исламистское движение западных взглядов и ценностей закончились ничем. Он констатирует, что «...концепция умеренного исламизма практически мертва. Сменилось поколение политических лидеров, которые пытались дать шанс выборной системе и легально участвовать в политических играх. Новое поколение лидеров часто является террористическим аппаратом...» [10, с. 42].

О несоответствии исламских движений демократическим нормам высказывался в этот период и американско-израильский доктор философии Мартин Крамер. По его мнению, попытки интерпретации исламистских течений как замаскированных демократических движений либо представляют желаемое за действительное, либо демонстрируют предвзятое мышление. Это утверждение он подкрепляет мнением своего учителя, Бернарда Льюиса (американский историк Ближнего Востока: 1916–2018), о том, что исламские «фундаменталисты не используют или даже злоупотребляют термином “демократия” в своем дискурсе» [12, с. 32].

Тем не менее Крамер указывает, что к началу 1990-х гг. в научной среде появилось немало сторонников представления исламского фундаментализма как течения, пытающегося примирить традиционные мусульманские традиции с реальной жизнью и даже отождествить этот процесс с протестантской Реформацией. По его мнению, «эта разновидность теории демократии, прежде всего, привержена тезису о том, что мир неуклонно и неуклонно движется к демократизации в рамках универсального и неизбежного процесса. Исламский арабский мир не является исключением. Но в случае арабского мира есть трудности, потому что нет очевидных демократических движений, движений, которым западное мнение сразу бы сочувствовало, как в Восточной Европе» [12, с. 32].

С одной стороны, Мартин Крамер признает, что «ислам как система верований, которая утешает и вдохновляет сотни миллионов людей, не всегда получал должное признание на Западе, и уж точно не в средствах массовой информации. И на Западе можно обнаружить прискорбную тенденцию связывать религию ислама с террором и деспотизмом» [12, с. 33]. Но, тем не менее, исходя из реалий развития исламского фундаментализма, доктор Крамер утверждает, что «исламский фундаментализм становится нормой ислама» [12, с. 33], а само исламское политическое течение не стремится к «исламскому модернизму, попытке примирить ислам с современными ценностями» [12, с. 33].

При этом доктор Крамер задается двумя важными вопросами: «...пытаются ли фундаменталисты примирить ислам с демократией? Действительно ли они формулируют свои мысли в рамках демократического дискурса...» [12, с. 34]. Сжатый ответ Крамера на эти вопросы: «Я не вижу доказательств этому» [12, с. 34]. Свою убежденность он подтверждает тем, что «принципиальная позиция каждого крупного фундаменталистского мыслителя... заключается в том, что демократия не имеет отношения к исламу и что ислам превосходит демократию. С этой точки зрения роковой недостаток демократии заключается в том, что она опирается на суверенитет народа... является по своей сути произвольным правлением, потому что она включает прихоти меняющегося электората, а электораты всегда меняются по своей природе. Ни один фундаменталист не готов подчиниться воле этого электората, если она противоречит исламским законам» [12, с. 34]. Действительно, ни один правоверный мусульманин не будет голосовать за Бога, он просто сознает свою ответственность перед Богом и всегда следует его воле.

Основные выводы, к которым пришел в 1993 г. доктор Мартин Крамер, таковы:

1. Ислам стремится к статусу великой державы. «Фундаменталисты не рассуждают в терминах глобально взаимозависимого мира. Они сейчас фантазируют о новом мировом порядке, сильно отличающемся от западных представлений. В их видении, ислам будет дей-

ствительно продавать свою нефть, но при условии, что мусульманам будет разрешено инвестировать средства в инструменты войны, чтобы дать им возможность переломить ход современной истории. Такое разрастание в конечном итоге приведет к новому мировому порядку, основанному не на американской гегемонии, но на новом балансе сил между пробудившимся исламом и Западом» [12, с. 38].

2. С фундаменталистской точки зрения, Израиль существует на землях ислама. «По мнению фундаменталистов, Палестина является священной для ислама землей; это земля, украденная евреями. Израиль – это раковая опухоль в исламском мире, посаженная западным империализмом и возвращенная Соединенными Штатами» [12, с. 39]. И это общее мнение всех исламистских движений.

Не ставя перед собой цели «предписать конкретную политику для конкретных правительств» [12, с. 39], Мартин Крамер призывает продолжить научную дискуссию, которая «должна предваряться пристальным взглядом на то, что есть, и возвращением к внимательному толкованию первичных источников» [12, с. 39–40].

Дискурс о соотношении исламских начал и демократических преобразований продолжался, как в XX в., так и в XXI в. В 2014 г. на страницах пакистанской «Daily Times» доктор наук из Индии Таусеф Ахмад Паррай уточнил, что в 1980–1990-е гг. в обиход вошел термин «исламская демократия». При этом автор обратил внимание на тот факт, что в этот период многие маститые американские ученые, такие как Ф. Фукуяма, Б. Барбер, С. Хантингтон, хотя и по-разному, но совместными усилиями укрепляли идею о том, что «мусульманская вера и исламская цивилизация не соответствуют и отклоняются от свободы, демократии, прав человека, гендерного равенства и других эмансипационных принципов; но разнообразие голосов – от сторонников до противников, от исламистов до модернистов – привлекает как мусульманских, так и западных ученых...» [14].

Опираясь на научные работы своих пакистанских коллег, доктор Паррай указывает, что термин «демократия» не является каноническим или разъясненным в мусульманском священном предании Сунне. Анализ принципов демократии и мусульманских канонических источников лишь позволяет сделать вывод, «что исламское наследие – культурное и интеллектуальное – содержит идеи и идеалы, ключевые концепции, институты и ценности, которые указывают на *сходство* с демократическими принципами и представлениями» [14].

Этот вывод позволяет автору вновь сохранить нам надежду на возможное существование «исламской демократии» и ее не противопоставление западной. В завершение своей статьи он пишет: «...таким образом, можно с уверенностью утверждать, что, хотя существуют важные и глубокие различия между исламом и демократией, в то же время “синтез видов” между ними в высшей степени возможен» [14].

Стабильность демократии

Процесс «распространения демократии», возведенный Соединенными Штатами в ранг своей внешнеполитической стратегии, во второй половине 1980-х гг. многим западным ученым, в первую очередь американским, представлялся победоносно шествующим по всему миру. Однако предсказанный Френсисом Фукуямой «конец истории», как конец альтернативного общественно-экономического развития и победы либеральной демократии, оказался преждевременным. Более того, сама возможность «конца истории» неоднократно оспорена коллегами по научному сообществу американского философа.

Третья волна демократизации, по Хантингтону, пик которой пришелся на рубеж 1980–1990-х гг., все-таки оставила за бортом демократических преобразований практически весь мусульманский мир и ряд стран коммунистической ориентации, включая такого гиганта, как Китай.

Иными словами, возможностью демократических преобразований воспользовались далеко не все государства. Закономерно встает вопрос: а так ли это важно для современного мира? Для большинства либеральных теоретиков это вопрос риторический.

Вместе с тем недавнее исследование канадского профессора политологии Пола Хоу показывает, что вопрос о всеобщей победе либеральной демократии в XXI в. отошел на второй план. В наше время более актуальная проблема – остановить откат демократии как в странах, избравших эту идеологию развития в конце XX в., так и в государствах с давно сложившимися демократическими устоями. В своей работе профессор Хоу, опираясь на опросы общественного мнения, проводимые с 1981 г. Ассоциацией Всемирного Обзора Ценностей (World Values

Survey Association – WVS), исследует вопросы размывания демократических норм и демократической деконсолидации не где-нибудь, а непосредственно в США.

Пока у демократии в Америке нет серьезных проблем. Однако факторы, на которые указывает Пол Хоу, настораживают. К тревожным тенденциям как в Соединенных Штатах, так и в Европе, автор, в первую очередь, относит тот факт, что «с 1995 года поддержка ключевых демократических принципов ослабла, в то время как появилась удивительная степень открытости к недемократическим альтернативам. К сожалению, именно молодые граждане чаще всего выражают более слабое чувство привязанности к демократии» [11, с. 15].

Профессора Хоу беспокоят постепенное ухудшение политической культуры и современная специфика электоральности в демократическом процессе. По его мнению, в избирательных компаниях ряда развитых стран участвуют лидеры явно популистского толка. При этом они «состязаются в демократическом процессе, но со словами и действиями, которые выражают пренебрежение основными демократическими принципами, такими как верховенство права, права меньшинств и сдержки и противовесы исполнительной власти» [11, с. 23]. По мнению автора, такие люди склонны к презрению общественных норм, а это презрение к демократическим принципам может вытекать из несдержанного и беспринципного мышления. К сожалению, такой вывод автор делает не только в отношении политиков, вступивших в предвыборную борьбу. То же самое может относиться и к населению в целом. Пол Хоу резюмирует: «...широкая совокупность трансгрессивных и антиобщественных настроений среди определенной части населения является важной причиной растущего пренебрежения демократическими нормами» [11, с. 24].

Особое беспокойство вызывает следствие этого несдержанного поведения, заключающееся в выводе Хоу о том, что «те, кто отвергает основные принципы демократии, не обязательно принимают авторитаризм или, по крайней мере, не тот его вид, который предполагает фактическое уважение власти. Вместо этого они грубо игнорируют широкий спектр социальных норм и терпимо относятся к различным видам незаконного и антиобщественного поведения» [11, с. 24].

Встает вопрос: неужели в лоне либеральной демократии зреет новая общественно-экономическая формация «вседозволенности»? Ответ на этот вопрос может дать только время, а исследовать его сможет история.

Список литературы

1. Белевцева С. Н. Американская историография о «распространении демократии»: цель и средство во внешней политике США 1980–1990-х гг. // Ученые записки : электрон. науч. журн. Курского гос. ун-та. 2018. № 2 (46). URL: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/051-018.pdf> (дата обращения: 05.07.2018)
2. Фукуяма Ф. Конец истории? // Вопросы философии. 1990. № 3. С. 84–118.
3. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М. : АСТ, 2010. 588 с.
4. Фукуяма Ф. Столкновение культур и американская гегемония / пер. с англ. Е. Иванова, М. Ильченко // Без тем. 2007. № 1 (3). URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5835> (дата обращения: 11.07.2018)
5. Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. Московские лекции и интервью. М. : Изд. центр «ACADEMIA», 1995. 256 с.
6. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи. М. : Изд-во «Весь Мир», 2011. 336 с.
7. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. М. : РОССПЕН, 2003. 368 с.
8. Хелд Д. Модели демократии. 3-е изд. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 544 с.
9. Hasegawa H. An essay on a new theory of democracy in the non-western countries // Journal of Political Sciences & Public Affairs, 2018. Vol. 6. Issue 1. URL: <https://www.omicsonline.org/open-access/an-essay-on-a-new-theory-of-democracy-in-the-nonwestern-countries-2332-0761-1000324-100387.html> (дата обращения: 06.07.2018)
10. Hermassi M. A. Islam, democracy, and the challenge of political change // Democracy in the Middle East: defining the challenge. Washington, D.C. : A Washington Institute Monograph, 1993. P. 41–51.
11. Howe P. Eroding norms and democratic deconsolidation // Journal of Democracy, October 2017. Vol. 28. № 4. P. 15–29.
12. Kramer M. Where Islam and democracy part ways // Democracy in the Middle East: defining the challenge. Washington, D.C. : A Washington Institute Monograph, 1993. P. 31–40.
13. Marks G. An actor-centred approach to multi-level governance // Regional & Federal Studies. Vol. 6, 1996. Issue 2. P. 20–38.
14. Parry T. A. Theoretical perspectives on the Islam-democracy discourse // Daily Times, 2014, April 13. URL: <https://dailytimes.com.pk/105143/theoretical-perspectives-on-the-islam-democracy-discourse/> (дата обращения: 12.07.2018).

The advancement of the theory of democracy in the late XX century: foreign historiography

S. N. Belevtseva

PhD of historical sciences, associate professor, associate professor of the Department of general history,
Kursk State University. Russia, Kursk. ORCID: 0000-0002-1939-4623.
E-mail: SNBelevtseva@yandex.ru

Abstract: the relevance of the article is determined by the modern demand for the theory of democratization, both in Russia and in most countries of the world. The aim of the article is to reveal the perception of the American strategy of "distribution of democracy" by representatives of the scientific community of different States. Without claiming to cover the full range of problems of promoting democracy of the American model in different regions of the world, the article investigates a number of General theoretical issues on this topic. In addition, the philosophical justification of the democratic process by leading scientists of the late XX – early XXI centuries is considered, the prospects of "distribution of democracy" into sudden communities are explored. As a conclusion on the topic the question of the stability of the gains of democracy is considered. The article analyzes the works of prominent scientists (F. Fukuyama, S. Huntington, J. Habermas), and less famous representatives of the scientific community. In this exploration there are works of scientists from different countries: USA, Canada, UK, Germany, Israel, Japan, Tunisia, India. The article may be of interest for scientists, teachers and students, as well as for political functionaries interested in promoting and expanding the democratic process.

Keywords: distribution of democracy, democratic transformation of the late twentieth century, democracy of non-Western societies, American democracy, democracy in Russia.

References

1. Belevtseva S. N. *Amerikanskaya istoriografiya o «rasprostraneniі demokratiі»: cel' i sredstvo vo vneshnej politike SSHA 1980–1990-h gg.* [American historiography on the "spread of democracy": the purpose and means in U.S. foreign policy 1980–1990] // *Uchenye zapiski : elektron. nauch. zhurn. Kurskogo gos. un-ta*. 2018. № 2 (46) – Scientific notes: electr. scientific journal. Kursk State University. 2018, № 2 (46). Available at: <http://www.scientific-notes.ru/pdf/051-018.pdf> (date accessed: 05.07.2018)
2. Fukuyama F. *Konec istorii?* [The end of the history?] // *Voprosy filosofii* – Question of philosophy. 1990, No. 3, pp. 84–118.
3. Fukuyama F. *Konec istorii i poslednij chelove* [The end of history and the last man]. M. AST. 2010. 588 p.
4. Fukuyama F. *Stolknovenie kul'tur i amerikanskaya gegemoniya* [Clash of cultures and American hegemony] / transl. from English by E. Ivanov, M. Ilchenko // *Bez temy* – Without topic. 2007, No. 1 (3). Available at: <https://gtmarket.ru/laboratory/expertize/5835> (date accessed: 11.07.2018)
5. Habermas YU. *Demokratiya. Razum. Nравstvennost'. Moskovskie lekcii i interv'yu* [Democracy. Mind. Morality. Moscow lectures and interviews]. M. Publ. center ACADEMY. 1995. 256 p.
6. Habermas YU. *Mezhdru naturalizmom i religiei. Filosofskie stat'i* [Between naturalism and religion. Philosophical articles]. M. Publishing house "Ves' Mir". 2011. 336 p.
7. Huntington S. *Tret'ya volna. Demokratizatsiya v konce HKH veka* [The third wave. Democratization in the late twentieth century]. M. ROSSPEN. 2003. 368 p.
8. Held D. *Modeli demokratii* [Models of democracy. 3-e publ.] M. Publ. house "Delo" RAPESS. 2014. 544 p.
9. Hasegawa H. An essay on a new theory of democracy in the non-western countries // *Journal of Political sciences & Public Affairs*, 2018. Vol. 6. Issue 1. Available at: <https://www.omicsonline.org/open-access/an-essay-on-a-new-theory-of-democracy-in-the-nonwestern-countries-2332-0761-1000324-100387.html> (date accessed: 06.07.2018)
10. Hermassi M. A. Islam, democracy, and the hallenge of political change // *Democracy in the Middle East: defining the challenge*. Washington, D.C.: A Washington Institute Monograph, 1993. P. 41–51.
11. Howe P. Eroding norms and democratic deconsolidation // *Journal of Democracy*, October 2017. Vol. 28. № 4. P. 15–29.
12. Kramer M. Where Islam and democracy part ways // *Democracy in the Middle East: defining the challenge*. Washington, D.C.: A Washington Institute Monograph, 1993. P. 31–40.
13. Marks G. An actor-centred approach to multi-level governance // *Regional & Federal Studies*. Vol. 6, 1996. Issue 2. P. 20–38.
14. Parray T. A. Theoretical perspectives on the Islam-democracy discourse // *Daily Times*, 2014, April 13. Available at: <https://dailytimes.com.pk/105143/theoretical-perspectives-on-the-islam-democracy-discourse/> (date accessed: 12.07.2018).